

Maguinness W. S. The Singular Use of Nos in Virgil // *The Classical Quarterly*, Jul.-Oct., 1941. Vol. 35. No. 3/4. P. 127–135.

Mango C. (Ed.). *The Correspondence of Ignatios the Deacon*. *Dumbarton Oaks*, 1997.

Migne J.-P. (Ed.) *Patrologiae cursus completus // Series graeca*. Paris, 1864. Vol. 133. P. 1239–1292.

Thraede K. *Grundzüge griechisch-römischer Briefftopik*. München, 1970.

Wolff P. *Premières recherches sur l' apparition du vouvoiement en latin medieval // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 130e année. № 2. 1986. P. 370–383.

Wolff P. *Nouvelles recherches sur le vouvoiement: quatre poèmes épiques, quatre formes d'adresses, quatre tempéraments nationaux? // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 132e année. № 1. 1988. P. 58–74.

Zilliacus H. *Untersuchungen zu den abstrakten Anredeformen und Höflichkeitstiteln im Griechischen*. Helsingfors, 1949.

Zilliacus H. *Selbstgefühl und Servilität. Studien zum unregelmässigen Numerusgebrauch im Griechischen*. Helsingfors, 1953.

Статья поступила в редакцию 01.10.2015 г.

УДК 94(560) + 94(100)“05/...” + 82.091

Т. В. Куц

ТУРКИ ПОД СТЕНАМИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ (1422): ОБРАЗ ВРАГА В ВОСПРИЯТИИ ЗАЩИТНИКОВ ГОРОДА*

Сочинение об осаде и штурме турками-османами Константинополя летом 1422 г., составленное Иоанном Кананом, содержит богатый материал для имагологического исследования. Опираясь на данные этого сообщения, в статье анализируется образ врага в представлениях рядовых защитников византийской столицы. Как показывает проведенное исследование, основная масса жителей города, далекая от тонкостей антиисламской полемики интеллектуалов, тем не менее, понимала, что столкновение с мусульманским миром было чревато утратой религиозной идентичности. Любой конфликт с турками воспринимался людьми той эпохи в плоскости религиозного противостояния. Однако горожане, судя по словам Канана, не называли мусульман «нечестивыми» и «варварами», не критиковали их культ и религиозные правила. Негативный образ врага конструируется с помощью других приемов. Все пейоративные оценки касаются нравственно-этических характеристик противника. При этом рядовые византийцы отдавали должное их храбрости, мужеству и военной доблести. Не умаляя силу и мощь противника, они были готовы признать военный перевес турок. Но именно это военное превосходство врага делало подвиг защитников Константинополя еще более значимым.

Ключевые слова: Византия; осада Константинополя; Иоанн Канан; турки-османы; образ врага; имагология.

В 1453 г. Константинополь пал под натиском османов. После месячной осады и кровопролитного штурма они сумели овладеть великим городом, завершив

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант №14-01-00025.

византийскую главу его истории и поставив финальную точку в судьбе самой Византийской империи. Эта, увенчавшаяся успехом, их попытка захватить греческую столицу была отнюдь не первой. Ей предшествовали три осады разной степени интенсивности и продолжительности, предпринимавшиеся турками с конца XIV в. Все они пришлись на правление императора Мануила II Палеолога (1391–1425).

Начало царствования Мануила II ознаменовалось его участием в качестве вассала султана в малоазийских военных кампаниях Баязида I (1389–1402). Разрыв же императором вассальных отношений повлек за собой первую осаду турками византийской столицы осенью 1394 г.¹ Попытка византийцев получить военную и финансовую помощь от Запада, несмотря на все усилия императора, успеха не имела. Устояла же Византия в тот раз лишь благодаря неожиданной «помощи» с Востока: разгром турок войсками Тимура в 1402 г. и начавшаяся затем междоусобная борьба наследников султана позволили Мануилу II избавиться не только от блокады своей столицы, но и на какое-то время от османской угрозы вообще. Однако затишье оказалось недолгим. Уже в 1411 г. Константинополь опять был осажден, пусть ненадолго и безуспешно, войсками Мусы, одного из претендентов на турецкий престол, временно одержавшим верх над своими братьями в борьбе за власть.

Новый этап турецкого завоевания Византии начался с воцарением султана Мурада II (1421–1451). Восстановив силы, турки вернулись к наступательной политике: в 1422 г. они осадили Константинополь и Фессалонику, затем вторглись на Пелопоннес и опустошили Морейский деспотат. Причиной агрессии султана стало вмешательство Византии в турецкие дела: после смерти Мехмеда I (1413–1421) император поддержал в качестве кандидата на престол Мустафу, брата покойного правителя, который однако потерпел в этой борьбе поражение от своего племянника Мурада II. После жестокой расправы над неудачливым претендентом на трон новый султан решил наказать и византийцев, осадив их столицу.

Сведения о третьей, предпоследней и самой значительной осаде византийской столицы в 1422 г., содержатся в различных источниках. Хроники сообщают, что осада длилась три месяца [Schreiner, Bd. 2, S. 414–415]. Под стенами Константинополя первые турецкие отряды под командованием Михалоглу появились 10 июня. Позднее, 20 июня, к ним присоединился пришедший с подкреплениями султан Мурад II [Schreiner, Bd. 1, S. 116, Chronik 13/2]. Решающая атака после двухмесячной осады состоялась 24 августа², а спустя две недели после провала этого штурма турецкий султан увел свои войска [Schreiner, Bd. 1, S. 116, Chronik 13/4]. Такова общая канва осады Константинополя, о которой хроники того времени сообщают довольно скупо.

¹ О первой осаде Константинополя турками подробнее см.: [Barker, p. 123–146, 216; Necipoğlu, p. 149–183].

² «Год 6930, индикт 15, <24 августа>, день <2>, в день святого Евтихия, ученика святого Иоанна Богослова, нечестивый Мурад штурмовал Великий город. Ромеи победили и турки, многие тысячи, были ослеплены» [Schreiner, Bd. 1, S. 99, Chronik 9/49].

Более подробные сведения о событиях 1422 г. содержатся в исторических сообщениях Дуки и Лаоника Халкокондила, составленных несколько десятилетий спустя. Однако больше всего подробностей осады и штурма столицы содержится в сочинении Иоанна Канана «Рассказ о войне, случившейся в Константинополе 6930 г., когда Амурат-бей с сильным войском напал на город и почти было овладел им, но Пресвятая Матерь Божия сохранила его»³. До настоящего времени этот источник не был предметом специального изучения⁴, хотя историки и не обходили его вниманием, касаясь политической истории поздней Византии.

Мы ничего не знаем об авторе этого текста [Christian-Muslim Relation, p. 342]. Безусловно, сочинение составлено очевидцем, не претендовавшим на глубокий анализ исторических событий, свидетелем которых ему довелось быть, но постаравшимся зафиксировать их с максимальной полнотой. Рассказ Канана, не отличающийся ни стилистической изысканностью, ни риторическим блеском, написан языком, близким к разговорному [Hunger, S. 483]. В самом начале повествования автор, используя традиционные топосы, извиняется за «недостаток опыта в составлении речей», плохой стиль, «варварские солецизмы» и скромное образование, призывая читателя быть к нему снисходительным [Giovanni Cananos, p. 53, 6–15]. Но все же законы того жанра, в котором Канан составил свое сочинение, ему знакомы, что может говорить о полученном автором школьном образовании. Ценность этого текста, адресованного явно не интеллектуалам, а менее взыскательной аудитории, состоит как раз в его близости к народной литературе. Ощущая себя частью простого люда столицы, Канан говорит языком народа, знакомя читателя с историей испытаний и бед, пережитых «безмолвствующим большинством».

Опираясь на текст Канана, я анализирую то, каким виделся образ врага защитникам Константинополя в период турецкой осады летом 1422 г., и сравню его с теми представлениями о турках, которые сложились в византийском обществе за долгие годы контактов с османским миром⁵. Несомненно, вооруженное столкновение с Другим всегда добавляло в палитру имагологических представлений о нем новые краски и оттенки. Опыт межцивилизационного взаимодействия, происходивший в таких экстремальных ситуациях, мог не только актуализировать прежние, давно устоявшиеся оценки и характеристики образа Другого, но и привносить в него новые акценты.

Хроника военных событий, составленная Кананом, содержит богатый материал для подобного имагологического исследования. Образы турок и образы защитников города прописаны им объемно и крайне эмоционально. Поскольку автор пренебрегал аллюзиями, литературными топосами, сравнениями и иносказаниями, лишая тем самым свой текст пышного риторического декора,

³ Первое критическое издание источника: [Ἰωάννου τοῦ Κανάνου, σ. 457–476]. В статье ссылки даются на последнее критическое издание источника, выполненное Э. Пинто [Giovanni Cananos].

⁴ М. Филиппидес и В. Ханак отметили отсутствие специального монографического исследования, посвященного этой осаде, и в целом должного внимания к тексту Канана: [Philippides, Hanak, p. 494, n. 68].

⁵ Об образе мусульман в византийской традиции см.: [Куц, 2013, с. 324–328; Шукуров; Ditten; Meyendorff; Vryonis].

свойственным сочинениям интеллектуальной элиты, то его повествование выглядит живой зарисовкой с натуры, запечатлевшей неприукрашенные портреты врага и его сограждан.

Лексикон, использовавшийся Кананом для описания противника, включает в себя наряду с этнонимом «турки» (οἱ Τοῦρκοι) и его традиционные для византийской литературной и разговорной практики эквиваленты: «мусульмане» (οἱ Μουσουλμάνοι), «нечестивые» (οἱ ἀσέβοι), «агаряне» (οἱ Ἀγαρηνοί). В целом, нейтральное слово «турки» по частоте его употребления превосходит другой широко используемый в сообщении термин «мусульмане». Лишь несколько раз автор называет противника «нечестивым народом» [Giovanni Cananos, p. 57, 107; 64, 279; 69, 422; 72, 499], и только однажды — «агарянами»⁶ [Giovanni Cananos, p. 54, 20]. Стоит отметить и отсутствие в этом перечне столь распространенного для византийского интеллектуального дискурса определения турок как «варвары» [Ditten, S. 273–274]. Лишь однажды Канан использует это слово в отношении султана и то в сравнительном обороте: «как дикий и бесчеловечный варвар» [Giovanni Cananos, p. 61, 193]. Вероятно, в повседневной речевой практике обычных византийцев подобное обозначение турок не было столь популярно, как в кругу образованной элиты, тексты представителей которой изобилуют его употреблением применительно к восточным соседям.

Хотя определение «турки» встречается в тексте чаще иных наименований, в дихотомии «византийцы — турки» автор чаще использует понятие «мусульмане», как, например, в следующем восклицании: «Кто не содрогнулся тогда, когда мы видели, что ромеи такие трусливые и мусульмане такие храбрые?» [Ibid., p. 66, 339–342]. Таким образом, противостояние имело для автора и его соотечественников прежде всего религиозный смысл. Это же подтверждает и неоднократное повторение Кананом мысли о том, что в планы противника входило не только военное, но и религиозное подчинение византийцев. Так, по его словам, целью Мурада было «ослабить наш город и овладеть им, пленить ромеев и уничтожить имя Христа» [Ibid., p. 56, 68–71]. Идею религиозного противостояния выражают и призывы, которыми защитники подбадривали друг друга в бою: «Да, друг, брат, соотечественник, давай сражаться сегодня и бросимся в атаку и первыми примем на себя удар в битве ради нас самих и ради наших жен, наших детей, свободы нашего народа, нашего отечества и этого самого великого города и, что самое главное, ради истинной веры христиан» [Ibid., p. 70, 435–440]. Очевидно, противостояние захватчикам трактовалось жителями города в первую очередь как борьба за свою веру.

Говоря о противнике в собирательном значении, Канан использует определение «мусульманский»: «мусульманские племена» (τὰ ἔθνη τῶν Μουσουλμάνων) [Ibid., p. 59, 164; 68, 377], «род мусульман» (τὰ γένη τῶν Μουσουλμάνων) [Ibid., p. 62, 220], «из всех земель и племен мусульман» (ἐκ πάσης γῆς καὶ γενεᾶς Μουσουλμάνων) [Ibid., p. 59, 166], «вся армия мусульман» (τὰ στρατεύματα πάντα

⁶ Агаряне — распространенное в византийских источниках XI–XV вв. обозначение для исламизированных тюркских племен [Moravcsik, Bd. 2, S. 55].

τῶν Μουσουλμάνων) [Giovanni Cananos, p. 55, 51; 59, 162], «толпы мусульман» (τὰ πλήθη τῶν Μουσουλμάνων) [Ibid., p. 62, 230; 68, 383]. Лишь в редких случаях он говорит о «турецких отрядах» [Ibid., p. 59, 147; 66, 321–322], «толпах турок» [Ibid., p. 71, 461–462] и лишь однажды упоминает «державу турок» (δεσποτεία τῶν Τοῦρκων) [Ibid., p. 60, 185]. Для Канана турки — это только часть большого исламского мира, который противостоит ромеям. Кроме того, он понимает, что под стены столицы султан привел и другие мусульманские племена. Об этом свидетельствует его замечание, что войско противника включало «мужчин из бесчисленных племен» [Ibid., p. 66, 331–332], в том числе и татар, проявлявших рвение в бою [Ibid.]. Вероятно, даже для обыденного сознания византийцев было очевидно, что за общим названием «мусульмане» скрываются различные народы, объединенные под властью одного правителя и сплоченные единством веры.

Определяя статус предводителей турок, византийских хронист использует терминологию, понятную его согражданам. Так, Мурад II постоянно именуется «деспотом турок» (δεσπότης τῶν Τοῦρκων), иногда — «эмиром» (ὁ ἀμῆρας) [Ibid., p. 55, 61; 59, 159], реже — «великим военачальником» (ὁ στρατάρχης ὁ μέγας) [Ibid., p. 55, 61], и только единожды — Мурад-беем (Μουράτ Πεῖς) [Ibid., p. 56, 75]. Ни разу на страницах повествования не встречается упоминание титула «султан», хотя современникам это слово было хорошо знакомо. Визирь Михалоглу, первым подошедший под стены Константинополя, упомянут в тексте как «военачальник» (ὁ στρατάρχης) [Ibid., p. 54, 29]. Кроме того, Канан приводит его имя и звание (Михал-бей) в звукоподражательной греческой огласовке — Μιχάλλαῖς. Суфийский шейх Мирсаита [Prosopographisches Lexikon, № 18040], прибывший в стан осаждавших, назван «патриархом турок» (πατριάρχης τῶν Τοῦρκων) [Giovanni Cananos, p. 62, 227], вероятно, для того, чтобы пояснить читателю его религиозное главенство среди мусульманского населения. Вводя в свое повествование ключевую фигуру духовного лидера турок, Канан несколько раз повторяет: он был «самым великим и важным среди них, знатным патриархом» [Ibid., p. 61, 214–216], его «почитали как самого патриарха, преклонялись перед ним как перед самим пророком и благоговели как перед самим Мухаммедом» [Ibid., p. 61, 201–204]. Мирсаиту сопровождали пятьсот дервишей (μετὰ πεντακοσίους Τουρκοκαλογέρους) [Ibid., p. 62, 228], которых Канан называл более привычным для поздневизантийского лексикона словом «монахи». Употребление греческих аналогов турецких понятий, на мой взгляд, показательно: автор стремится сделать свое повествование понятным для простого читателя, не очень сведущего в реалиях турецкой номенклатуры титулов и званий.

Основную оценку противнику Канан дает в обобщающей характеристике турок. Они были «надменными и высокомерными» [Ibid., p. 71, 460; 73, 505], «удивительно глупыми» [Ibid., p. 62, 232; 68, 377]. Враг появился у стен столицы «как облако, несущее град и губительные разрушения, и на всю и каждую часть ромейской земли бросавшее тень, и словно молнией обжигающего света все спалившее и испепелившее, и всякое плодоносное дерево и изобилующее плодами дерево, стволы виноградников с корнем были вырублены, и были

принесены нам всяческий страх и разрушение» [Giovanni Cananos, p. 55, 54–60]. Сравнивая турецкие полчища с ураганом, автор подчеркивает их разрушительную мощь.

Под стать этим племенам и их предводители. Михалоглу описан как «дикий и кровожадный полководец» [Ibid., p. 54, 29–30], султан Мурад II — как «дикий, жестокий, заносчивый, кичливый, надменный и горделивый» [Ibid., p. 55, 62–63], «как жестокий и бесчеловечный варвар» [Ibid., p. 61, 193]. Шейх Мирсаита неоднократно назван «ложным пророком» (τὸν ψευδοπροφήτην) [Ibid., p. 62, 225; 66, 323], который «был горделив и высокомерен» [Ibid., p. 62, 238].

О пейоративной оценке мусульман говорят некоторые ремарки, которые автор вставляет в свое повествование. Сообщая о том, как Мирсаита совершал намаз, автор презрительно замечает, что «он делал это с таким притворством, что турки, введенные в заблуждение, склонялись и прославляли его как пророка» [Ibid., p. 63, 250–252]. Канан с нескрываемой иронией описывает прибытие в лагерь Мирсаиты: «Толпы мусульман бросились навстречу ему, и с достойной удивления глупостью племя турок принимало его словно ангела, спустившегося с неба, целовали не только его ноги и руки, но и поводья и копыта мула, на котором он ехал» [Ibid., p. 62, 230–235]. Автор смеется над турками, доверявшими шейху, словно он был для них «самым настоящим ангелом» [Ibid., p. 63, 263], а речи самого Мирсаиты он называет «бреднями» [Ibid., p. 65, 296].

Отмечу, что в тексте встречаются термины, свидетельствующие о проникновении тюркских слов в греческий язык. Так, автор употребляет для обозначения факела слово *μαζαλάς*, происходящее от турецкого *maşala* [Ibid., p. 65, 310]. Он знает, как называются молитвенные места мусульман, и использует грецизированное название мечети *μασῆδίων* [Ibid., p. 67, 350]. Кроме того, автор неплохо ориентируется в религиозных обычаях иноверцев. Так, он подробно описывает, как Мирсаита после прибытия в военный лагерь султана удалился в свой шатер из войлока и начал читать книгу Мухаммеда, исполняя ритуал, который назван τὰ Ῥάμπλια (слово неясной этимологии, возможно, от арабского «ракаат») [Ibid., p. 63, 247–250]. Ко времени, когда разворачивались описываемые события, византийцы явно были хорошо осведомлены о тонкостях религиозной жизни мусульманских народов.

Главная цель, которую преследовал Канан, составляя свои записи, — подробно рассказать по горячим следам о деталях осады, штурма и чудесного спасения великого города. Военной стороне конфликта уделено основное внимание. Очевидец подробно сообщает о соотношении сил и настроениях, царивших по обе стороны крепостных стен, не стремясь ни приукрасить мужество ромеев, ни приуменьшить мощь врага. Оценивая силу противника, Канан замечает, что у турецкого султана была огромная армия, включавшая великое число воинов, как пеших, так и конных. Он неоднократно подчеркивает ее гигантские размеры: войско противника было так велико, что турки «господствовали везде от одного конца города у Золотых Ворот до другого у Ксилопорта» [Ibid., p. 65–66, 317–320], и все, видевшие размеры сего воинства, были поражены этим зрелищем [Ibid., p. 60, 179–180].

Канан признает: ромеи, знавшие о численности неприятельских воинов, изготовившихся штурмовать стены, их вооружении, рвении и отваге, были настолько испуганы, что думали о путях к отступлению [Giovanni Cananos, p. 66, 330–337]. По мнению Канана, любой человек задрожал бы от страха и потерял твердость духа при виде такого противника [Ibid., p. 66, 344]. Он оплакивает своих соотечественников, «несчастливых и жалких», на которых свалились «беда, разруха, ужаснейшие испытания» [Ibid., p. 55, 45–47]. Действительно, положение города накануне штурма было крайне тяжелым. И хотя горожане к тому времени отчасти восстановили и отремонтировали оборонительные укрепления и городские постройки, пришедшие в упадок или пострадавшие во время прежних осад, тем не менее значительная часть столицы пребывала в запустении [Necipoglu, p. 187]. Не удивительно, что у защитников города возникали сомнения в том, сможет ли он выдержать штурм. Кроме того, за предшествующие десятилетия численность жителей столицы значительно сократилась вследствие нескольких вспышек чумы [Куц, 2008, с. 52–53] и оттока населения, переселявшегося на более безопасные территории, в частности в венецианские владения. Все это не добавляло оптимизма ни самим горожанам, ни власти, которой пришлось нести бремя обороны города. Мощь противника казалась еще более несокрушимой.

Канан сообщает о нараставшем в городе напряжении в ожидании штурма. В стане мусульман царили веселье и разврат: «Пустая и безумная надежда преисполняла тогда турок большой храбростью, отвагой и весельем, и они развлекались и предавались наслаждениям» [Giovanni Cananos, p. 63, 259–261]. Днем и ночью из турецкого лагеря доносился шум и выкрики («они ежечасно точили свои языки против нас как обоюдоострый меч» [Ibid., p. 63, 265–267]). Противник оказывал психологическое воздействие на жителей столицы, постоянно понося ромеев, изрыгая угрозы и проклятья в адрес императора, патриарха и всей христианской веры. Автор приводит слова, которые выкрикивали турки, пытаясь оскорбить и унижить греков: «Где ваш Бог, жалкие ромеи? Где ваш Христос? Где ваши святые, которые помогли бы вам? Завтра мы возьмем город, и вы станете нашими пленниками и рабами, мы обесчестим ваших жен и детей на ваших глазах, а ваших монахинь отдадим турецким священникам» [Ibid., p. 64, 271–276]. Вряд ли жители города могли слышать, а главное, понять смысл доносившихся из-за стен криков, но слова, вложенные Кананом в уста врагов, отражали восприятие горожанами степени опасности, которая над ними нависла.

Обращает на себя внимание хорошее знание автором структуры турецкого войска, порядка военной мобилизации племен, особенностей военной логистики, принципов субординации в армии, специфики военного искусства противника. Канан подробно останавливается на том, как наращивались силы неприятеля. Согласно его сообщению, султан разослал гонцов в разные части османских владений, призывая население примкнуть к военной экспедиции. Глашатаи разносили следующую весть: «Эмир отдает мусульманам на разграбление все богатство и все население города, спешите поживиться» [Ibid., p. 59, 157–160]. Возможность наживы была, согласно Канану, лейтмотивом обращения султана

к потенциальным участникам военной кампании. В результате такой пропаганды в лагерь Мурада стекались все новые и новые отряды мусульман, спешивших к дележу богатой добычи. Наряду с воинами, «сведущими в разбое и сражениях» [Giovanni Cananos, p. 60, 167–168], под стенами Константинополя оказались и многочисленные торговцы, менялы, ремесленники и духовенство. Каждый из них, направляясь в осадный лагерь, преследовал свои цели: «воины — для грабежа, торговцы — чтобы торговать награбленным, точнее пленниками: одни — женщинами, другие — мужчинами, третьи — мальчиками, кто-то — скотом, кто-то — утварью. Турецкие монахи считали захват наших монахинь в качестве трофеев благодеянием со стороны правителя турок» [Ibid., p. 60, 171–177]. С точки зрения очевидца, рядовые мусульмане, стекавшиеся к воротам столицы, были охвачены прежде всего жадной наживы.

Канан сообщает не только о методах мобилизации, но и о принципах пополнения военных запасов. Султан обложил подвластное ему население особым побором: «каждый двор каждого мужчины, находившийся в державе турок на востоке и западе, дал от 10 до 20 стрел для луков» [Ibid., p. 60, 184–187], в итоге «они набрали стрел в таком бесчисленном количестве, что мы сперва не поверили сообщению об их числе, пока не началась битва» [Ibid., p. 60, 181–183]. Стоит заметить, что в осажденный город поступали сведения о том, что происходило во вражеском стане, о расстановке сил и вооружении.

Турки были блестяще подготовлены для штурма. Благодаря сообщению Канана мы знаем о разнообразных технических приспособлениях — пушках, бомбардах, метательных машинах, передвижных башнях и повозках, которые находились на вооружении в турецкой армии. Османы, кстати сказать, впервые применили во время этого штурма артиллерийские орудия [Bartusis, p. 337; Kyriakidis, p. 190–191]. Согласно Халкокондилу, Мурада сопровождали канониры из Германии (οὶ τηλεβολίσκοι ἀπὸ Γερμανῶν) [Laonici Chalcocondylae, p. 231]. Это позволяет говорить о том, что турки заимствовали огнестрельное оружие из Европы [Barker, p. 364; Bartusis, p. 337]. Жителям столицы предстояло столкнуться с хорошо вооруженным противником.

Подошедшие к Константинополю силы «взяли под свой контроль пригород и окрестности, что были в прежние времена под имперской властью, лишили нас всего вблизи города, опустошили там области, разграбили, захватили пленников, одних убили, других переправили дальше в Иконию и Арацапитас Кифас» [Giovanni Cananos, p. 54, 31–37]. Очевидно, что речь идет об обычной практике, когда легкая конница (акынджи) учиняла разбой на захваченных территориях. Канан щедрыми красками рисует картину грабежей и насилия, которому подверглось население пригородных районов столицы: «Они бесстыдно предавались разврату с женщинами, отнимали мальчиков для обрезания во имя Мухаммеда, всякую тягловую и нетягловую скотину убивали или угоняли. А ущерб посевам и порча виноградников каким словом можно было бы все это описать?» [Ibid., p. 54, 37–40].

Видя военные приготовления турок, ромеи испытывали страх в предвкушении бед, которые ожидают их в случае падения города. Горький опыт ранее

павших византийских городов и их разграбления турками во второй половине XIV в. давал основания для самых худших ожиданий. Канан сравнивает со смертью участь, которая может постичь его соотечественников: «Завоевание этого великого города и пленение жителей, бесчестие женщин, распущенное поведение в отношении целомудренных, обрезание мальчиков, разрушение церквей, глумление над святыми образами, вместо поклонения величайшему Богу поклонение Мухаммеду и восстановление жилищ божеств и мечети Расула и Мухаммеда. И что было бы еще ужаснее и хуже, в десять тысяч раз хуже, чем самая страшная смерть, это — страх уничтожения святой веры христиан мусульманами и обрезание во славу Мухаммеда» [Giovanni Capanos, p. 66–67, 344–355].

Турки двинулись на штурм города 24 августа 1422 г. по сигналу Мирсайты, который с помощью астрологических расчетов определил время наступления. По распоряжению Мурада II войска были приведены в боевой порядок: «мусульмане, все их отряды, привели в исполнение этот приказ и распределили между собой все виды оружия: огромные артиллерийские орудия и самые совершенные осадные машины. Одни воины несли лестницы всех видов, малые и большие, другие — бревна, третьи — балки, кто-то — огонь в факелах, кто-то — пушки... И все воины были защищены крепкими железными доспехами и огромными шлемами» [Ibid., p. 65, 304–317]. Противник бросился в атаку с криками и воплями под удары барабанов и звуки труб. Волна турецкого войска с неистовым шумом накатилась на защитников города, скованных страхом и отчаянием. Канан описывает этот момент битвы в жанре риторического плача: «Кто не боялся в тот час? Кто не трепетал от такого зрелища? Чей слух мог вынести этот звук, какие глаза могли перенести эту картину?» [Ibid., p. 68, 393–395]. Автор не скрывает, что «страх охватил нас всех, трусость поразила нас, и мы впали в панику» [Ibid., p. 69, 4]. Не стесняясь, он признает, что осажденные были на грани отчаяния, хотя никому и в голову не приходило сдаться без боя, отдавшись на милость победителя.

В ходе штурма обе противоборствующие стороны — и турки, и греки — претерпели разительную метаморфозу. Османы, дерзкие и бесстрашные в начале битвы, столкнувшись с сопротивлением горожан, в итоге пали духом и утратили способность сражаться [Ibid., p. 73, 504–506]. Ромеи же, оказавшись лицом к лицу с сильным противником, в первый момент показали себя слабыми и напуганными, помышлявшими об отступлении, но в решающий момент сумели собраться и обратить врага в бегство. Как замечает автор, «неустршимость самых мужественных и самых благородных ромеев превратила турок в трусливых и изменчивых» [Ibid., p. 71, 453–455].

Битва длилась до заката. Турки, не сумев сломить сопротивление ромеев, отступили, бросая оружие, осадные приспособления и пушки. В победе ромеев современники увидели факт вмешательства божественной силы. В самый ответственный момент случилось чудо — Богородица появилась на стенах, сохранив Константинополь для христиан [Ibid., p. 74, 537–542]. При виде в рядах защитников небесной покровительницы города, пишет Канан, тьма, трепет и страх

проникли в души неверных, и теперь они помышляли лишь о бегстве [Giovanni Cananos, p. 74–75, 550–554]. Вера во вмешательство Богородицы в судьбу города поддерживалась двумя представлениями. С одной стороны, в городской среде из поколения в поколение передавались легенды о том, как Богородица в трудную минуту неоднократно спасала город, всегда находившийся под ее покровительством. С другой стороны, для традиционного восприятия избавление от смертельной опасности всегда имело оттенок чуда и могло быть объяснимо действием высших сил. Сообщение Канана передает это провиденциалистское мироощущение византийцев, объяснявших благоприятный исход почти безнадежного дела заступничеством Богородицы.

Подводя итог, отмечу основные особенности представления жителей Константинополя о турках, осадивших столицу летом 1422 г. Основная масса жителей города, хоть и была далека от тонкостей антиисламской полемики интеллектуалов, со всей очевидностью понимала, что столкновение с мусульманским миром было чревато для ромеев утратой своей религиозной идентичности. Не случайно в тексте настойчиво муссируется тема обрезания младенцев и обращения их в ислам в случае поражения. Любой конфликт с турками воспринимался людьми той эпохи в плоскости религиозного противостояния. Страх за судьбу собственной веры, боязнь осквернения христианских святынь и попрания имени Христа были мощным стимулом для мобилизации населения на защиту столицы. Однако, заметим, горожане, если судить по словам Канана, не называют мусульман «нечестивыми», «безбожниками» и «варварами», и, кстати сказать, не критикуют их культ и религиозные правила. Негативный образ врага конструируется с помощью других приемов. Все пейоративные оценки касаются нравственно-этических характеристик противника: поведение, нравы, обычаи, отношение к покоренному населению выглядят дикими и жестокими, турки, в представлении жителей Константинополя, высокомерны, распутны и алчны, ими движет жажда наживы и разрушительный инстинкт. При этом рядовые византийцы отдавали должное их храбрости, мужеству и военным доблестям. Не умаляя силу и мощь противника, они, похоже, были готовы признать военный перевес турок. Но именно это военное превосходство врага делало подвиг защитников Константинополя еще более значимым, ведь они смогли одержать верх в схватке со столь могущественным противником.

Куш Т. В. Чума в поздней Византии // Византийский временник. 2008. Т. 67 (92). С. 38–56. [Kushh T. V. Chuma v pozdnej Vizantii // Vizantijskij vremennik. 2008. T. 67 (92). S. 38–56.]

Куш Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013. [Kushh T. V. Na zakate imperii: intellektual'naja sreda pozdnej Vizantii. Ekaterinburg, 2013.]

Шукуров Р. М. Зона контакта. Проблема межкультурных отношений в современной византистике // Византийский временник. 2000. Т. 59. С. 258–267. [Shukurov R. M. Zona kontakta. Problema mezhkulturnykh otnoshenij v sovremennoj vizantinistike // Vizantijskij vremennik. 2000. T. 59. S. 258–267.]

Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick ; New Jersey, 1969.

- Bartusis M. C.* The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1997.
- Christian-Muslim Relation: a bibliographical History / ed. by D. Thomas and A. Mallett. Brill, 2009.
- Ditten H.* Βάρβαροι, Ἕλληνες und Ῥωμαῖοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern // Actes du XII Congrès international d'études Byzantines. Beograd, 1964. T. 2. S. 273–299.
- Giovanni Cananos.* L'assedo di Constantinopoli / introduzione, testo critico, traduzione, note e lessico a cura di E. Pinto. Messina, 1977.
- Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1.
- Ἰωάννου τοῦ Κανάνου Διήγησις περὶ τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει γεγονότος πολέμου κατὰ τὸ ζ᾽ ἔτος / ed. I. Bekker. Bonn, 1838. P. 457–476.
- Kyriakidis S.* Warfare in Late Byzantium, 1204–1453. Leiden ; Boston, 2011.
- Laonici Chalcocondylae Athrniensis Historiarum libri decem / ed. I. Bekker. Bonn, 1843.
- Meyendorff J.* Byzantine Views of Islam // Dumbarton Oaks Papers. 1964. T. 18. P. 113–132.
- Moravcsik G.* Byzantinoturcica. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Berlin, 1958. Bd. 1–2.
- Necipoğlu N.* Byzantium between the Ottomans and the Latins. Politics and Society in the Late Empire. Cambridge, 2009.
- Philippides M., Hanak W.* The Siege and the Fall of Constantinople in 1453. Historiography, Topography, and Military Studies. Ashgate, 2011.
- Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976–1994. Fasz. 1–12.
- Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken (Chronica Byzantina Breviora). Wien, 1975. Bd. 1–2.
- Vryonis S.* Byzantine Attitudes toward Islam during the Late Middle Ages // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1971. Vol. 12. P. 263–286.

Статья поступила в редакцию 19.11.2015 г.